

15 ПУНКТОВ О СТИХАХ СВЕТЛАНЫ ШИЛЬНИКОВОЙ И БОРИСА КУТЕНКОВА

Специально подогнал число пунктов под суммарное число стихотворений Светланы и Бориса в их подборках.

1. Размер

Начну с того, что легко считается и может пригодиться для последующего.

Светлана. Я насчитал 3-и из 8-и стихотворений, которые написаны более-менее чёткой силлабо-тоникой: 5-стопный хорей в последнем стихотворении № 8 «Ассонанс», 5-стопный ямб в стихотворении № 1 «Мне вынесен бессмертный приговор», где 3 строки 6-стопные, и 5-стопный ямб в стихотворении № 5 «Терция».

Правда, в последнем случае пришлось некоторые строки, смыслово разбитые, соединить вместе, чтобы увидеть чёткую картину ямба; к тому же одна строка начинается с хорейческой стопы.

Остальные стихи, как мне показалось, написаны в тонике: тактовиком или даже акцентным стихом. Во многих стихотворениях строки то длинные, то короткие.

У **Бориса** с размером всё строже: силлабо-тоника и почти никаких отклонений по длине строки. В 4-х стихотворениях строка 5-стопная, в двух 6-стопная, и только в одном 3-стопная.

Двусложные размеры только в двух стихотворениях: 6-стопный ямб в стихотворении № 4 и 5-стопный хорей в последнем стихотворении № 7.

Два амфибрахия: 5-стопный в стихотворении № 5 и 3-стопный в стихотворении № 6.

Чистый анапест в стихотворении № 3; здесь как раз встречаются укороченные строки: как правило, стоп 5, но в 4-х из 5-и строф последняя, пятая, строка укорочена до 3-х стоп.

Строфа с 5-стопной пятой строкой — средняя, так что всё выглядит симметрично.

А вот в двух стихотворениях № 1 и № 2 логаяды на основе анапеста: 4 стопы анапеста + 1 стопа ямба (№ 1) или удвоенная структура из 2-х стоп анапеста и 1 стопы ямба (итого 6 стоп в № 2)

Итак, у Бориса явное преобладание трехсложных размеров (5 из 7 стихотворений).

А что нам о них говорил Николай Гумилёв?

Анапест стремителен, порывист, это стихи в движенье, напряженье нечеловеческой страсти. Амфибрахий баюкающий и прозрачный, говорит о покое божественно-легкого и мудрого бытия.

Тонику Светланы трудно сравнивать, на то она и свободное чередование разных стоп. Свобода — основное её свойство.

Интересно, что оба поэта избегают дактиля, который, по словам Гумилёва, *«опираясь на первый ударяемый слог и качая два неударяемые, как пальма свою верхушку, мощен, торжественен, говорит о стихиях в их покое, о деяниях богов и героинь»*.

Ну, да: богов как бы нет.

Что же касается числа стоп, то Гумилёв говорил: *«четырёхстопный ямб чаще всего употребляется для лирического рассказа, пятистопный — для рассказа эпического или драматического, шестистопный — для рассуждения»*.

Даже странно, что никто не использовал 4 стопы, всё больше 5 — значит, драма.

А у Бориса ещё и 6 стоп — рассуждения.

Правда, с ямбическими ступеньками.

Есть, где разгуляться.

Тонику опять не сравниваю.

2. Рифма.

У Светланы нормальные такие рифмы.

На примере первого стихотворения.

Есть более-менее точные, вроде приговор-топор, шум-дышу, слезУ-внизу, камни-туманней, часовых-пятерых.

Но они перемежаются вот такими: недели-молчали, мелочь-мерно, скрипок-скрепкой.

Наверное, раньше и за рифмы-то не посчитали бы, но сегодня это даже хорошо: ритмический рисунок рифм перестаёт быть однообразным бум-бум, он то громче, то тише.

В двух стихотворениях № 3 «Памяти музыки» и № 6 «Густав Фидлер» рифмы вообще нет, её как бы вытеснил свободный акцентный стих, чтобы не мешала.

У **Бориса** с рифмами всё строже.

Хотя вот в последнем стихотворении № 8 в 4-х из 5-х строк рифмуются три строки, а одна нет. Ну, это такой приём.

И схема рифмовки немного плавает: в 3-х строках *aaba*, в одной (4-й) — *abab*, и ещё в одной (2-й) — *aabc*, хотя это «с» рифмуется с последней строкой предыдущей строфы.

3. Что бы это значило?

Итак, у Бориса и с размером и с рифмами строже, чем у Светланы.

Можно было бы сказать, что у Светланы просто не получилось.

Но это глупо: с чего вдруг регулярность стиха стала признаком качества?

На самом деле, это говорит о разном поэтическом мышлении.

Есть какие-то причины, которые вынуждают Светлану писать в более свободном стиле, а Бориса, наоборот, заставляют втискиваться в прокрустово ложе размера и рифмы.

Следующие два пункта будут про эти причины.

4. Музыка

В стихах **Светланы** я насчитал 37 слов, непосредственно связанных с музыкой: в 7-ми из 8-ми стихотворений.

В самих названиях 4-х из 8-и стихотворений присутствует музыка.

Да и сама подборка озаглавлена «ПАМЯТИ МУЗЫКИ».

При всём моём уважении к поэзии музыка всё-таки главнее.

Может быть, это потому что я в ней ни бум-бум.

Хотя китайцы ведь говорили: музыка и ритуал. И только потом каллиграфия, и только потом поэзия и живопись, не говоря уже о прозе.

Вот Светлана на просторах интернета сама и пишет: «Для себя я определила, что стихи — это звучание пространства в определенное мгновение времени. Собственно, та правда себя (мира), которую и от себя мы неосознанно скрываем, скорее не подозреваем. И строй — с ладами, струнами, отверстиями, клавишами, деками, рамами».

«Музыкальных» слов нет только в стихотворении № 7 «Зажигалки», если, конечно, звон колец не считать музыкальным.

Но это и понятно: стихотворение посвящено поэту — Марине Цветаевой, здесь царствует слово, а не звук.

5. Слово

У **Бориса** музыка встречается только три раза, только она у него «вся галимая, низовая», правда, из «сквозной раны» идёт музыка «берег, бабочка и блесна», но потом «стреляной музыки гнёт».

Почему музыка ассоциируется со стрельбой, я не знаю.

В стихах Бориса царствует слово.

Это, похоже, стихи о языке, о литературе, о поэзии.

Одного Аронсона Борис упоминает в двух стихотворениях.

И ещё это стихи о речи, о разговорах, о говорении.

Здесь всё время чувствуются какие-то обрывки диалогов, монологов, сквозные намёки, обломки аргументов и т.п.

Слова с корнем «говор» в этих восьми стихах встречаются 15 раз, и в каждом стихотворении!

А ведь есть ещё «прокричать», «иврит», «тетради», «дневники», «райтеры» и «спичи», «язык», «блог», «полуустный» — это уже и письменная речь тоже.

6. Argumentum ad verecundiam

С этим же «литературным» фоном стихов связано и то, что почему-то принято переводить как «Апелляция к авторитету», хотя буквальный перевод означает «Аргумент к скромности».

Это, в общем, то, что имел в виду Ньютон, когда в 1676 г. написал в письме Гуку: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов».

Хотя фраза эта известна ещё с XII века, с Бертрана Шартрского, что весьма наглядно изображено на витражах Шартрского собора, где четыре евангелиста сидят на плечах четырёх рослых пророков Ветхого Завета.

Борис упоминает: Тарковского, Седакову, Ламарка, Аронсона (дважды), Галича, Ницше и обериутов.

Это только явные упоминания имён.

У Светланы упоминание Цветаевой, скорее, исключение.

Ещё она упоминает Тамару Сергеевну Бахову, видимо, преподавательницу музыки, ничего не нашёл о ней в интернете, Густава Фидлера, но это и в начале прошлого века был уже не человек, а пианино, а также безымянного настройщика.

Всё.

7. Память

Пусть меня простят сторонники равно-правности, - значности и прочего унисекса, но мне бывает важно знать, кто написал стихи: мужчина или женщина? молодой, не очень молодой или вообще старый? Даже национальность иногда имеет значение и, как говорили раньше, классовое происхождение.

Это помогает понять причины удач и неудач, объясняет какие-то оттенки смысла.

А без понимания причин явления, оно может быть неправильно истолковано.

Читателю, может быть, это всё необязательно, но ему и не требуется так уж всё анализировать.

Впрочем, читатели разные попадают.

Светлана — женщина, Борис — мужчина.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, для женщин память о прошлом, их прошлом, значит больше, чем для мужчин.

Женщина ведь — хранительница.

И не только очага, но ещё и традиций, по крайней мере, семейных.

А, значит, и памяти.

Вот я вычитал в интернете: «у женщин лучше развита эпизодическая память — об автобиографических событиях, включая их конкретное время, место и связанное с ними эмоциональное состояние», они «обладают повышенной «чувственной памятью», то есть они лучше запоминают лица или, например, запахи». «выводы экспертов опираются на анализе 617 научных работ, которые проводились с 1973 по 2013 год и включали в себя 1,2 млн испытуемых».

Ещё пишут, что «центр памяти у мужчин в возрасте 20-40 лет уменьшается, в отличие от женщин».

Это всё, конечно, может оказаться пресловутыми «открытиями британских учёных», но тем не менее.

Кроме того, Светлана старше.

А с возрастом человек больше внимания уделяет своему прошлому, в том числе, детству, что естественно.

Вплоть до «впадения в детство». Но это шутка.

У **Светланы** «память» — в названии одного стихотворения и в названии всей подборки стихов.

Слово «помнить» — ещё в 1 стихотворении.

Слово «детство» — 3 раза в 2-х стихотворениях.

Итого 5 раз в трёх стихотворениях из 8.

У **Бориса** есть только слово «память» в посвящении одного стихотворения.

8. Сон

Память и сон имеют кое-что общее.

И в том и в другом случае речь идёт о явлениях, которые не существуют, или не вполне существуют или искажённо существуют.

Только в случае памяти явления не существуют сейчас, но существовали в прошлом (если это не ложная память), а в случае сна — не поймёшь где.

Есть, конечно, и более философские и религиозные осмысления сновидений, особенно, у буддистов,

некоторые из которых считали сновидения реальнее реальности на том основании, что они нагляднее показывали непостоянство и пустотность мира.

Ну и, конечно, можно вспомнить поэтичную притчу Чжуан-цзы о бабочке.

Кстати, слово «бабочка» у **Бориса** один раз встречается, а у **Светланы** — ни разу.

В стихах **Светланы** нет и снов, разве что один раз встречается слово «спящие», ну, так у **Бориса** оно встречается 2 раза (правда, один раз с приставкой «не»).

Слово «сон» имеет в стихах Бориса 9 вхождений: в 5-и из 7-и стихотворений.

Но особенно показательное число вхождений слов с двухбуквенным сочетанием «сн».

Таких вхождений 13 и 6 из них имеют отношение ко сну: сне, сна, снилось, проснись.

Это 46%, тогда как по частотности в русских художественных текстах должно быть меньше 7%.

9. Аллюзии и реминисценции

И теперь, я думаю, нас уже не должно удивлять, что стихи **Бориса** насыщены аллюзиями и реминисценциями, тогда как у **Светланы** вместо них личные воспоминания.

Даже стихотворение Светланы о Марине Цветаевой подано в таком личностном ключе. Здесь замечательная концовка:

**я хочу курить, спички мокрые не
зажглись,
зажигалки падают и просачиваются
сквозь песок.**

Должен сказать, что эти литературные и прочие намёки, которые содержатся в строках Бориса, не всегда понятны.

Во всяком случае, я не все их понял.

Может быть, конечно, я чего-то не знаю, что полагается знать каждому считающему себя образованным человеку.

Но, боюсь, что и многим другим читателям будет трудно всё это расшифровывать.

Вообще, здесь всегда палка о двух концах.

С одной стороны, невежество не аргумент.

Более того, например, в китайской поэтической традиции стихи, в которых блистали такие аллюзии и реминисценции, особенно ценились знатоками.

К которым, правда, относилось всё конфуциански образованное сословие, поскольку умение не то что понимать, а даже слагать стихи, входило в программу государственных экзаменов на право занятия чиновничьих должностей.

В наше время эти стихи уже снабжаются многочисленными комментариями.

Но, с другой стороны, нужно меру знать, а то можно и до цента докатиться.

Впрочем, китайцы тоже докатывались.

Кстати, о комментариях.

Когда я был в возрасте Бориса, и даже позже, я не считал нужным комментировать такого рода вещи.

Ну, как бы: если я знаю, то почему другие не знают, что я лучше всех, что ли.

Но по прошествии длительного времени, когда я несколько раз забывал, а что же я имел в виду или какие-то понадобившиеся мне детали того, что я имел в виду, стараюсь такие комментарии писать.

Если не ленюсь, конечно.

Обычно считается, что стихи должны говорить сами за себя и не нуждаются в комментариях.

По-моему, это какое-то заблуждение и снобизм (в современном значении этого слова).

Человек не может знать всего, времена энциклопедистов прошли.

Но поэт иногда не может дать такие разъяснения в самих стихах, стихи всё же отличаются от прозы.

Более того, некоторая доза «туманности» в стихах даже воспринимается как поэтичность.

Ну, так почему не дать сноску и там всё пояснить для несведущих.

Заодно и просветительская функция будет.

10. Темна вода во облацех или прозрачна?

Общий вывод такой: стихи Бориса по мере вчитывания в них становятся лучше, а стихи Светланы почти не меняются — они и так прозрачны.

Впрочем, есть исключения: например, первое стихотворение Светланы «Мне вынесен

бессмертный приговор» всё же требует некоторого вчитывания, и даже без особой уверенности, что всё будет понято до конца.

Другое дело, что происходит потом, когда пройдёт какое-то время: что от этих стихов останется в памяти и в сердце.

Но для этого должно пройти время, пока ничего не скажу.

11. Не рассказывай — покажи!

Вопрос такой: возникает ли в сознании картинка или только слова?

В стихах Светланы картинки встают яркие, живые, я бы сказал, наглядные.

Исключение составляют, может быть, первое и последнее стихотворения.

В первом картинка несколько туманна, неясна, в общем, мне не очень хорошо видно.

В последнем она как бы без особых деталей, разве что «бинокль» цепляет.

У Бориса всё как-то сложнее с картинками.

Нельзя сказать, что картинок нет, но это как бы не целые картинки, а обрывки, некий поток или кружение обрывочных образов, как в калейдоскопе.

Складываются ли они в некий цельный образ?

Вот не уверен.

Как будто между мной и этим образом стоит некая стена, за которую я не могу пробиться: поэт с той стороны, а я с этой.

Иногда даже закрадывается подозрение, что Борис специально чего-то недоговаривает, чтобы не стало вдруг понятно и прозрачно.

В этом есть некая притягательность (тайна всегда притягивает), но и некое отторжение тоже есть.

12. Вещи и архетипы

Вот не могу я сказать, что в стихах Бориса нет вещей, которые можно пощупать, понюхать, услышать, увидеть.

Есть, конечно.

Но они не довлеют, они как бы возникают, чтобы тут же исчезнуть и больше не появиться.

И всё это ещё погружено в некую субстанцию то ли чувств, то ли мыслей, то ли реминисцентных намёков.

Так бывает, когда человек рассказывает и торопится выложить всё, что хочет сказать, а сказать хочет вроде бы много, и проглатываются какие-то нелишние слова, или переходы, или детали.

Вместо развития вещи, она сменяется другой вещью.

То есть вещь только обозначается.

В противоположность этому у Светланы вещи живут своей неторопливой жизнью.

И вещи, и люди.

Конечно, эти вещи ещё и что-то обозначают или, лучше сказать, значат.

Особенно это наглядно в стихотворении № 6 «Густав Фидлер»: ну, понятно же, что значит пианино, которому больше 100 лет.

13. Личные местоимения

То, о чём я уже говорил о характере стихов: личный у Светланы и диалогичный у Бориса, — наглядно подтверждается анализом личных местоимений.

«Я» и «ты», включая склонение и притяжательные местоимения.

«Я»: у Бориса — 15 раз, у Светланы 29 раз, т.е. почти в 2 раза больше.

Это к вопросу о личном характере стихов.

«Ты» — здесь даже не важно, лирический герой обращается к кому-то, говоря «ты», или, наоборот, кто-то обращается к герою, говоря ему «ты», или даже герой сам себе говорит «ты».

В любом случае это диалог.

«Ты»: у Светланы — 6 раз, у Бориса 21 раз, т.е. в 3,5 раза больше.

Это к вопросу о диалоге в стихах.

14. Общее впечатление о планах бытия

В любом стихотворении есть, по крайней мере, два плана: то, что говорится или показывается, и то, что за этим скрывается или куда ведёт, на что намекает.

Мне показалось, что у Светланы как раз эти два плана и есть.

С Борисом как-то сложнее.

За счёт всяких аллюзий, реминисценций и скрытых цитат вроде бы возникает ещё один план.

Не знаю, не столько третий, сколько промежуточный между первыми двумя планами.

А вот первый план кажется несколько размытым, как я уже говорил, из-за калейдоскопичности и быстрой смены кадров.

15. С точки зрения моих личных пристрастий или чего мне не хватило?

Наверное, я и раньше был субъективен, а сейчас даже скрывать не буду.

Я сам люблю стихи прозрачные как корейская утренняя свежесть.

И чтобы вещи были простые и старые, как Густав Фидлер.

С этой стороны мне ближе стихи Светланы.

Но ещё я люблю стихи, которые хоть и прозрачны до пустоты, но в этой пустоте, как говорил Лао-цзы, «скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью».

Или, в переводе Виноградского, «внутри этого есть осязаемая суть. И эта осязаемая суть выражает предельную истину».

И здесь я почти отдаю преимущество Борису.

Почему «почти»?

Потому что его стихи не столько такие, сколько потенциально могли бы быть такими, т.е. эти самые «частицы» или эта самая «суть» в них не столько чувствуется, сколько пред-чувствуется.

Возможно, лучше бы чувствовалось, если бы было больше прозрачности.

Соответственно, в стихах Светланы мне немного не хватает, ну, не знаю, философских обобщений, что ли, некоего выхода за пределы личного восприятия и какого-то взгляда с высоты птичьего полёта.

А вот чего мне не хватило в стихах обоих авторов, так это иронии и, прежде всего, самоиронии.

Вот Пушкин без грамматической ошибки русской речи не любил.

А я не люблю поэзии без самоиронии автора.

И с этим связана ещё одна мысль Пушкина, хотя она не только об этом: поэзия, прости Господи, должна быть глуповата.

Господь здесь упомянут, хоть и всуе, но по смыслу верно: высшие сферы должны не только чувствоваться, но и принижаться до глупой земли.

Вот этой «глупости» мне тоже немного не хватило в прочитанных стихах.

Только, как курильщика, порадовала строка Светланы, которую я уже цитировал: «Я хочу курить, спички мокрые не зажглись».

*Игорь Бурдонов
26-28 декабря 2020*